

Матюшевская М.И.
УЧЕБНИКИ ПО МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ КАК ИСТОЧНИКИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОЗИТИВИСТСКОГО ТИПА РАЦИОНАЛЬНОСТИ

На рубеже XIX–XX вв. у ученых возник интерес к теории исторической науки. Первым к ней обратился немецкий историк И. Дройзен. В 1868 г. он высказал мысль о необходимости создания «историки» – особой дисциплины о методах исторических исследований [6, с.5].

Современникам ученого его предложение показалось ненужным и бесперспективным. В 60–80-х гг. XIX в. среди историков наблюдалось относительное

единство понимания сущности и задач своей науки. Оно заключалось в трактовке истории как дисциплины, изучающей «психологический» процесс деятельности людей далекого прошлого (современность позитивисты не относили к сфере научных интересов истории), отраженный в исторических источниках – «следах» прошлого. «Следы» (преимущественно письменные документы) представлялись позитивистам «психофизическими», т.е. созданными психикой человека, чувственно данными историку «внешними вещами». Целью их «позитивного» анализа было извлечение из них фактов – неизменных по своему содержанию событий, элементарных, далее неделимых, обособленных друг от друга во времени и пространстве.

Позитивисты полагали, что в источниках скрыто раз и навсегда заданное количество таких фактов и при условии установления их аутентичности они являются фрагментами самой исторической действительности, «кирпичиками» будущего здания объективной истины, готовыми к перенесению в исторический труд. От историка требуется лишь максимальное исключение из исследования симпатий и антипатий, воображения и страстей. Историческая наука – это наука факта. Она ничего не «предугадывает», не «домысливает», не «допускает» и не «обобщает». Она просто повествует о том, что сообщают заслуживающие доверия источники [1, с. 143].

Однако несколько десятилетий спустя ситуация в исторической науке изменилась. Один за другим стали появляться методологические труды. Наибольшую известность из них получили «Введение в историческую науку» (1889) немецкого историка Э. Бернгейма, «Введение в изучение истории» (1898) французских ученых Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, «Методология истории» (1910–1913) петербургского профессора А.С. Лаппо-Данилевского.

Эти исследования концентрировались вокруг проблемы: как возможно историческое познание в условиях ненаблюдаемости ученым своего объекта? Э. Бернгейм, а также Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос решали ее с позитивистских позиций, А.С. Лаппо-Данилевский руководствовался методологией неокантианства.

Э. Бернгейм видел главную задачу исторического анализа в четкой классификации исторических источников «по степени их близости к фактам». Он выделил два класса источников: исторические остатки и историческая традиция. Историческими остатками Э. Бернгейм считал «остатки в собственном смысле» (антропологические и «кухонные остатки») и «другие» (данные языка, жилые строения, продукты материальной и духовной деятельности людей). К исторической традиции он отнес все то, что в той или иной степени содержит сведения о прошлом и является, по его мнению, историческим материалом – изобразительным, устным, письменным.

Такая классификация, был убежден Э. Бернгейм, показывает различные формы отражения факта в источнике и тем самым задает направление научной работе с ним. Исторические остатки требуют лишь приемов установления их подлинности. Если подлинность несомненна и вещественный предмет или документ не представляют собой подделки, то они могут использоваться для изучения того факта, остатком которого этот являются. Для исторической традиции, напротив, проверка достоверности необходима. Поскольку изучаемый историком факт передан не непосредственно, а с помощью другого лица (мемуариста, хрониста), то степень достоверности свидетельства нуждается в проверке. [2]

Несколько иным был вариант метода исторического исследования, предложенный Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобосом. «Нет письменных документов – нет истории», – утверждали они. В их теоретической концепции центральное место принадлежало проблеме определения отношения, которое существует между документом («следом, оставленным мыслями и действиями некогда живших людей») и

сообщаемым им фактом. Для этого учеными была разработана система правил поэтапного изучения письменного источника.

Первый этап состоял во внешней критике документа. В его задачи входила восстановительная критика (выбор надежного текста) и критика происхождения (выяснение, откуда документ происходит, к какому времени относится, кто его автор).

Вторым этапом исследования предполагалась критика внутренняя. Ее целью ставилась критика толкования (разгадка истинного смысла, вложенного в текст его автором) и отрицательная внутренняя критика достоверности (отрицательная потому, что она должна отбросить ложные сведения).

На втором этапе изучения источника Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос предусматривали также дополнительные методологические приемы. Первый из них заключался в анализе каждого свидетельства для нахождения ответа на вопрос, насколько можно ему верить. Второй прием предписывал все свидетельства документа изучать отдельно. Например, в акте о продаже отдельно проверять данные, сообщающие ее время, место, сведения о продавце, покупателе, предмете, цене, условиях договора. Что касается проверки искренности автора, то в данном учебнике рассматривались условия, которые могли бы повлиять на него. К ним относились стремление к практической выгоде, следование литературным этикетам и т. п.

Итогом применения своей научной методики Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос видели гарантию объективности исторического исследования. Историк, полагали они, используя описанные ими правила, сможет извлечь из документа определенную сумму единичных, вполне достоверных исторических фактов. После группировки их по хронологическому, логическому и иным признакам, он и получит искомую истинность результата исследования [3].

Подобный уклон в сторону сугубо источниковедческой работы и детальной фиксации ее техники был неприемлем для А.С. Лаппо-Данилевского. Он считал, что методология истории является составной частью общей теории познания и перед ней стоит задача выбора номотетической или идиографической точки зрения на изучаемый материал. От этого выбора, доказывал А.С. Лаппо-Данилевский, зависят конкретные методы исторического мышления: методология источниковедения, устанавливающая научные принципы, на основании которых историки могут говорить о существовании в прошлом интересующих их фактов, и методология исторического построения с ее приемами объяснения событий минувшей действительности. Придерживаясь мнения о необходимости идиографического подхода к историческому исследованию, А.С. Лаппо-Данилевский раскрыл свое понимание его сущности. Он дал определение исторического факта («воздействие индивидуальности на среду») и исторического источника («всякий реальный объект, который изучается не ради него самого, а для того, чтобы получить знание о другом объекте, т. е. об историческом факте»).

Исторический источник А.С. Лаппо-Данилевский понимал, прежде всего, в психологическом аспекте, как «доступный чужому восприятию реализованный продукт человеческой психики». Он должен представляться историку пригодным для того, чтобы получить знание о каком-либо факте из прошлой жизни человечества. А.С. Лаппо-Данилевский описал виды исторических источников, разбил их на классы по содержанию и степени значения для исторического познания.

Самую высокую степень значения получили у ученого источники, отнесенные им к «остаткам культуры», а самую низкую – те, что попали в разряд «исторических преданий». Много внимания А.С. Лаппо-Данилевский уделил проблеме критики исторических источников, а завершил он свои рассуждения характеристикой психологического, технического, типизирующего, систематического, эволюционного и

индивидуализирующего методов, составлявших в его концепции приемы научной интерпретации [4, 5].

Труды Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, А.С. Лаппо-Данилевского на рубеже XIX–XX вв. выступали как квинтэссенция накопленного историками теоретического опыта. Однако на их страницах далеко не в полной мере отразились происходившие в этот период в науке методологические перемены. В своих эмпирических исследованиях ученые стали отказываться от общепринятого ранее «событийного» восприятия истории. Они переходили к анализу социально-экономических отношений прошлого. Это способствовало осознанию того, что социально-экономические отношения в силу своей сложности, хронологической длительности и широты географического пространства не охватываются непосредственным наблюдением очевидцев и потому не находят полного отражения в одном или нескольких взятых изолированно друг от друга источниках. Тем самым обнаруживалась несостоятельность прежней трактовки исторического источника как «вместилища» готовых фактов-«кирпичиков» и исторического факта как элементарной единицы научного знания.

Работа над новой тематикой показывала также, что не только историческое мышление зависит от наличия исторических источников, но и сами исторические источники «зависят» от исторического мышления, от изобретательности интеллекта историка, его методологической и методической вооруженности.

Таким образом, теоретические установки классической науки уходили в прошлое. На смену позитивистской парадигме явилась методология неклассической науки, господствовавшая до последней трети XX века. Научный опыт позитивистов сам стал достоянием истории, но он, несомненно, актуален и интересен современным исследователям источниковедения.

1. Барг, М.А. Категории и методы исторической науки / М.А. Барг. – Москва: Наука, 1984. – 342 с.
2. Бернгейм, Э. Введение в историческую науку / Э. Бернгейм – Москва: Изд. М.Н. Прокоповича, 1908. – 135 с.
3. Ланглуа, Ш.-В., Сеньобос, Ш. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос – Санкт-Петербург: Изд. О.О. Поповой, 1899. – 275 с.
4. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории: в 2 т. / А.С. Лаппо-Данилевский – Санкт-Петербург: Студенч. изд. комитет при историко-филологич. факультете Санкт-Петербург. ун-та, 1910. – Т. 1. – 291 с.
5. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории: в 2 т. / А.С. Лаппо-Данилевский – Санкт-Петербург: Студенч. изд. комитет при историко-филологич. факультете Санкт-Петербург. ун-та, 1913. – Т.2 – С. 292–781.
6. Могильницкий, Б.Г. Введение в методологию истории / Б.Г. Могильницкий – Москва: Высш. шк., 1989. – 174 с.